

**ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX в.**

По Хайдеггеру, «в творении творится совершенное истинное» (10), и парадокс этого «наваждения» состоит в перевертывании сюжета: «чем играешься, тем и зашибешься». Игорь Петрович написал автопортрет. Вместе с тем роман Маканина менее всего располагает к осуждению отступника, и причина тому – неразрешимый парадокс жизни: не всякий, кто ищет, находит истину, да и нет единой для всех истины. Человек есть всё сразу, и это «всё» проявляется под давлением обстоятельств: «все мы люди, и все мы грешники, и все мы невиновны...» (597).

Таким образом, гармоничная ипостась художника неорганична для Маканина. Подлинность творчества непосредственно связана с копанием, самоотречением, болью. Концепция творчества как напряженного и, порой, безрезультатного сизифова труда закрепляет творящее сознание в классическом экзистенциальном поле. Вариативная множественность трактовки одной и той же истории расшатывает чистоту реалистического метода и требует иной мотивации, например, уточняющей самокорректировки деконструктивистского письма. Маканин задает возможный миропроjekt, не закрепляя его в одном варианте, неизбежно становясь объектом перетворения логикой своего художественного принципа. Форма нарратива о нарративе уничтожает границы авторской и персонажной автономии в едином процессе взаимоотворения и становится повествовательным принципом прозы Маканина.

Литература

1. Кривцун О. Личность художника как предмет психологического анализа. URL: <http://okrivtsun.narod.ru/article-02.htm>.
2. Марченко А. Запах своей тропы. URL: http://www.modernlib.ru/books/makanin_vladimir_semenovich/alla_marchenko_zapah_svoey_tropi/read_1/.
3. Роднянская И. Незнакомые знакомцы. К спорам о героях Владимира Маканина // Нов. мир. 1986. №8. С. 230 – 247.
4. Иванцов В.В. Пространственно-временная организация художественного мира В.С. Маканина: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
5. Бегалиева Е.Г. Смысловое целое героя современной прозы (А. Ким, В. Маканин, Р. Киреев) : дис. ... канд. филол. наук : Донецк, 1992.
6. Балащенко Н.С. Художественная концепция

личности в творчестве В. Белова и В. Маканина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2000.

7. Кравченкова Е.А. Художественный мир В.С. Маканина: Концепции и интерпретации : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 273 с.

8. Козлов В. Экзистенциальный задачник: В. Маканин // Вопр. лит. 2010. №1. С.84 – 103.

9. Маканин В.С. Портрет и вокруг // На зимней дороге / В.С. Маканин., М. 1980. С. 349 – 638.

10. Хайдеггер М. Исток художественного творчества. URL: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/istok.html>.

The discourse “creating mind” in the novel by V.Makanin “The portrait and around”

There are regarded the conceptual problems of creative process understanding in Makanin’s axiology of the 80s. The ontology of creative work in the novel “The portrait and around” is shown in the dynamics of the dramatic transformation of profession serving classical paradigm in the despair gesture in front of the truth of the final sober self-appraisal.

Key words: *Makanin, artistic mind, existence, parable, detective, court and fault.*

**А.В. ПОПОВА
(Волгоград)**

**ПРОЗА А. КИМА 1980-х ГОДОВ:
ПОЭТИКА ЖАНРА**

Рассматривается проблема поэтики жанра прозы А.Кима 1980-х годов. Исследуется феномен интермедиальности, проявляющийся в использовании писателем приемов, сближающих литературу с живописью (законы композиции), музыкой (полифоническая форма, контрапункт). Анализируется модификация романной формы в творчестве А. Кима, выявляется своеобразие его мифологизма.

Ключевые слова: *поэтика, повесть, роман, жанр, миф, интермедиальность.*

Творчество А. Кима, одного из наиболее талантливых современных авторов, на сегодняшний день изучено мало. Повести и первые романы писателя вызвали волну разноречивых

отзывов в критике, однако серьезного научного осмысления не получили. Исследование поэтики его произведений позволит приблизиться к объективному раскрытию их содержания, разрешит многочисленные противоречия в толковании творчества автора.

Как истинно талантливого писателя, А. Кима отличает способность интуитивно понимать и предугадывать наиболее современные тенденции литературного развития. К таковым относятся жанровые модификации, связанные у А. Кима, главным образом, с обращением к изначальным художественным формам (мифу, притче, сказке) и использованием приемов других видов искусства (интермедийной поэтики).

Повесть «Лотос» (1980) может быть рассмотрена в свете поэтики интермедийности. Структурообразующим принципом построения этого произведения является полифоническая форма – «вид многоголосия, представляющий собой сочетание в одновременном звучании двух и более мелодий» (Там же, с. 432). Заметим, что содержательно значимой является ориентация писателя именно на полифонию, для которой характерно равноправие голосов, в противоположность гомофонии – «виду многоголосия, в котором голоса подразделяются на главный и сопровождающие» (Там же, с. 143). Для такого художника, как А. Ким, жизнь растения, насекомого, птицы, человека являются равновеликими проявлениями бытия целого. Следовательно, в системе персонажей (голосов) «Лотоса» не может быть подразделения на главные и второстепенные (или, пользуясь музыкальной терминологией, сопровождающие).

Каждая глава повести содержит в себе развитие нескольких сюжетных линий, связанных с образами Лохова, его матери, старика-корейца Пака. Герои поочередно получают возможность повествования от первого лица, иногда смена субъектов повествования происходит в пределах одного абзаца. С помощью такого построения создается эффект одновременности звучания нескольких голосов. Эпизоды из жизни матери Лохова, начиная со времени ее юности и заканчивая старостью, самого художника Лохова, корейца Пака, их размышления, воспоминания свободно сменяют друг друга, все это соединяется автором в единое многоголосое целое. Свободно чередуясь между собой, голоса, тем не менее, развиваются каждый самостоятельно, с достаточной степенью автономности (к примеру, в повести нет

ни одного эпизода, в котором описывается непосредственный диалог матери Лохова с сыном или с корейцем Паком, происходящий в реальном фабульном времени). Такое композиционное построение может быть рассмотрено как адаптация в художественной литературе сложной техники контрапунктирования – «взаимодействия развитых и автономно движущихся мелодий, их согласования по высоте и времени» [6, с. 268].

Связь с изобразительным искусством проявляется в многочисленных, почти осязаемых описаниях природного мира, с тончайшей нюансировкой цветowych и световых деталей. Поэтика живописности воплощается и в законах композиции, когда целое нужно выстроить в пределах ограниченного пространства. Сам автор замечает: «Закон о цветовых контрастах и необходимости главного пятна стараюсь использовать в пределах абзаца. Нахожу самое яркое пятно и акцентирую его» [3, с. 3]. Проводя эту аналогию, можно отметить, что такие яркие, акцентированные пятна отчетливо выделяются в каждой главе. Отметим, что параллели с живописью при анализе творчества А. Кима проводят и некоторые зарубежные исследователи: «Повесть “Лотос” можно сравнить с полотном, написанным только черной и белой красками, изображающим сцены смерти и заснеженного кладбища, освещаемым только случайными вспышками оранжевого света: цвет апельсинового лотоса и рыжего меха лисы на снегу» [11, с. 972].

Одной из главнейших особенностей поэтики А. Кима является ориентация на миф. Обращение к мифу, обладающему «гармонизирующей и упорядоченной направленностью» [5, с. 420], являющему собой «творческое начало экстропической направленности, как противовес угрозе энтропического погружения в бессловесность, немоту, хаос» [9, с. 5], вполне закономерно для писателя, которому свойственны космизм, планетарность мышления. Органична для природы художественного творчества А. Кима и изначальная направленность мифа на решение таких общих метафизических проблем, как «смысл жизни, цель истории, тайна смерти и т.п.» [5, с. 419].

Мифологическое являет себя в произведениях исследуемого автора многообразно: в «воссоздании глубинных мифосинкретических структур мышления» (в частности, в совмещении разных времен и пространств) [1, с. 224], в мифопоэтической вневременности и цикличности, во введении

**ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX в.**

в структуру повествования мифологических персонажей и отдельных мифологем. В романе-сказке «Белка» (1985) А. Ким использует в качестве структурообразующего принципа два мотива, имеющих глубоко мифологические корни – превращения и перевоплощения. Мотив превращения, с которым в художественном мире романа связана способность людей оборачиваться животными и наоборот, восходит, с одной стороны, к восточной мифологии, с другой – к фольклорным архетипам. В романе А. Кима мотив превращения, оборотничества лег в основу идейного замысла произведения. Противостояние оборотней и «истинных людей» символизирует двойственность человеческой природы, борьбу звериного и божественного начал. Творчество и оборотничество противопоставляются в романе как два всеобъемлющих способа существования. Особое значение имеет мотив Преображения, которое, согласно автору, возможно через любовь, страдание и вызванное ими к жизни творчество. Творчество понимается писателем как «бессмертие наяву», как выходящая «вертикаль» человеческого духа.

Мотив перевоплощения выполняет важнейшую структурообразующую функцию. Череда перевоплощений Белки значительно усложняет хронотоп произведения. Свободные перемещения во времени и пространстве, совмещение различных временных рядов, инверсия времени выражают представление о его иллюзорности, равноценности прошлого и настоящего перед лицом вечного, вневременного начала, некоего духовного единства, изначальной целостности, воплощением которой в романе является образ «Мы».

Особенности сюжетостроения произведения также определяются спонтанными перевоплощениями Белки. Действие романа легко переносится из Москвы в Австралию, Индонезию, в глухую мещерскую деревню, в Россию XIX в., в камеру смертников фашистского лагеря. Один день из жизни пчелы, последние мгновения жизни белки, затравленной охотничьей овчаркой, – все это не менее достойно подробного, с мельчайшими деталями описания в романе, чем повествование о судьбах главных героев. Так сюжетно выражено свойственное мифологическому сознанию чувство родства человека со всем тварным миром. Мифологические мотивы, таким образом, в романе-сказке «Белка» служат выражению концепции

глубинного родства и взаимосвязанности всего в мире.

Синкретичность формы, переплетение жанровых черт свойственны роману-притче «Отец-Лес» (1989), именовавшемуся в критике то «книгой притч», то «романом-мифом». Соединение реалистического и мифологического планов повествования – важнейшая особенность поэтики романа. Вызывает интерес замечание одного из зарубежных исследователей о том, что переплетение мифа и реальности является очевидным уже из названия и подзаголовка произведения. Два кратких, написанных через дефис слова как бы предупреждают читателя о сознательном смешении автором двух жанров (романа и притчи) и двух объективных категорий (отец и лес). Причем категория «отец» вызывает ассоциативный ряд, включающий в себя такие понятия, как «человечество», «поколение», «семья», «род», а категория «лес» – «растительный мир», «вневременность», «бесконечность», «коллективное» [10, с. 341]. Все происходящее в романе рассматривается одновременно в двух планах: с позиций линейного, исторического времени и во вневременных, циклических координатах мифа, что позволяет подчеркнуть универсальный, вечный характер поставленных вопросов.

Сюжетный стержень романа составляет история старинного русского рода Тураевых. Важнейшим свойством, содержащимся в «родовых атомах тураевской породы» и во многом определяющим участь главных героев, автор считает «способность к внезапной катастрофе всего жизненного их существа из-за такой нематериальной и случайной вещи, как возникшая в голове мысль» [4, с. 138]. Предопределенность судьбы представителей трех поколений старинного рода «фамильным, роковым качеством самосознания», передающимся в генетическом коде, также мифологична. С пространством глухого мещерского леса, вокруг которого в повествовании совершаются «концентрические круги», связаны важнейшие мифопоэтические образы-символы Отца-Леса и Лирообразной сосны. Образ Отца-Леса – один из центральных в романе, в нем наиболее ярко проявляется такая особенность поэтики мифологизма А. Кима, как ориентация на образ-понятие, «визионерство смысла» [2, с. 23].

В образе демиурга-рассказчика, олицетворяющем в романе некую духовную сущность, наделенную, однако, такими человеческими качествами, как способность пере-

живать, любить и ненавидеть, проявляют свойственное мифу отражение «действительности в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ, которые мыслятся первобытным сознанием вполне реальными» [1, с. 222], и свойственная архаическому мышлению «невыделенность человека из природы». Своеобразным антиподом обособленности, отчуждения, склонности к саморазрушению в художественном мире романа предстает образ гигантской раздвоенной сосны, ассоциирующейся с мифообразом мирового древа жизни, отражающим «осознание мира как конкретного целого путем отождествления микрокосма с макрокосмом» [8, с. 42]. Традиционный символ бессмертия или долголетия – сосна является одновременно и родовым деревом Тураевых.

Финал романа амбивалентен. С одной стороны, он полон апокалипсических предзнаменований. Это переключка умерших людей на кладбище, образ последнего Лесоповала, при описании которого автор с помощью языковых средств стирает грань между растительным и человеческим мирами: «обезглавленные», «мертвые деревья», покачивающиеся на воде, «словно призраки» [4, с. 375], сравниваются с утопленниками, которых «скопилась неисчислимая толпа» (Там же, с. 376). Однако окончание произведения может интерпретироваться и в связи с авторской верой в возможность Преображения человека, сюжетно эта идея воплощена в истории судьбы Глеба Тураева. Последние страницы романа посвящены описанию явления воскресшего Христа апостолам и ученикам, автор приводит при этом дословные цитаты из Библии, выделяя их курсивом. Завершая произведение библейским сюжетом, А. Ким недвусмысленно обозначает свои нравственные ориентиры. Подобно тому, как в христианском мироощущении любовь является высшей ценностью, так и в художественном мире романа любовь – преобразующая и одухотворяющая сила, источник спасения.

Обращение к поэтике мифа – константа в творчестве А. Кима. Причем, как справедливо утверждает современный исследователь, «точнее говорить об опоре писателя на опыт мифа, о мифологических интуициях автора, об использовании мифа как универсальной культурной формулы» [7, с. 165]. Это может быть выражено как во введении в структуру пове-

ствования мифологических мотивов и образов, так и в органичном синтезе свойств романной формы с глубинными чертами поэтики мифа. Новаторство формы прозы А. Кима может рассматриваться как показательное явление, характерное для современного литературного процесса и, в то же время, свидетельствует об уникальности творческого дарования писателя, раскрывает своеобразие его произведений.

Литература

1. Аверинцев С.С., Эпштейн М.Н. Мифы // Литературный энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1987.
2. Бальбуров Э.А. Поэтический космос А. Кима // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. : Филология. Новосибирск, 1997. №4.
3. Ким. А. Дыхание легенды // Лит. газ. 1981. № 43.
4. Ким А. Отец-лес: роман-притча. М. : Сов. писатель, 1989.
5. Мелетинский Е.М. Миф и XX век // Избранные статьи. Воспоминания / Е.М. Мелетинский М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998.
6. Музыкальный энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1991.
7. Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века. М. : Флинта: Наука, 2009.
8. Стеблин-Каменский М.И. Мифы. Л. : Наука, 1976.
9. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Изд. гр. «Прогресс» – «Культура», 1995.
10. Kolchevska Natasha. Fathers, Sons and Trees: Myth and Reality in Anatolij Kim's Otec-les // The Slavic and East European Journal. 1992. Vol. 36. №3.
11. Dalton-Brown Sally. Centaurs, A Singing Squirrel, And a Lotus: Anatolij Kim's Portrait of the Evolving Human Animal // The Modern Language Review. 1995. Vol. 90. № 10.

A.Kim's prose of 1980s: genre's poetics

There is considered the problem of genre's poetics of A.Kim's prose of the 1980s. There is researched the phenomenon of intermediality shown in the author's use of the devices bringing together literature and painting (composition laws), music (polyphonic form, counterpoint). There is analysed the modification of novel form in the creative work of A.Kim, revealed the originality of its mythology.

Key words: *poetics, story, novel, genre, myth, intermediality.*